

ИРИНА ПОПОВА,

доктор философских наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И.Мечникова

Публичность социологии

(доклад на I Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной, 10 декабря 2007 года, Киев)

Мое выступление во многом перекликается с тем, о чем говорил Виль Савбанович Бакиров. Я знаю также, что сегодня во второй половине дня будет специальный доклад “О миссии социологии”. Итак, вопрос о публичности социологии и о том, почему публичность функционирования социологии в Украине является проблемой.

Известно, что вопрос о публичности социологии вызвал острую дискуссию на XVI Международном социологическом конгрессе в 2006 году. Поднял этот вопрос в приветственном слове экс-президент Международной социологической ассоциации Петр Штомпка. Он обратил внимание на то, что социология все больше отдаляется от общественных кругов, все больше уходит в свою профессиональную сферу. Тем не менее, он считает, что публичность социологии — это необходимая ее черта, необходимая ее характеристика. И без нее, без публичности и гражданственности социология действительно теряет свой общественный престиж. Конечно, популяризация социологии не должна подменять ее научные задачи и ее, так сказать, научный облик. Но, с другой стороны, отсутствие публичности приводит к такому положению социологии в обществе, когда научное знание не подтверждает свое общественное значение.

Эту позицию П.Штомпка последовательно проводит и в своей научно-исследовательской работе и в теоретических изысканиях. Я хотела бы обратить внимание присутствующих на его чрезвычайно интересную статью “Социологическая теория и социологическое воображение”. Она сначала была помещена в Интернете, а затем напечатана в журнале “Социологические исследования”. Здесь Штомпка классифицирует теории, выделяя четыре их типа. Классификация осуществляется по следующим критериям:

теория “чего”, теория “для кого” и теория “для чего”. Особое внимание Штомпка обращает на так называемые объяснительные теории. Он так разъясняет их особенность, пользуясь предложенными критериями. Это теории “чего” — теории реальных насущных проблем, с которыми имеет дело большинство населения. Теории самых острых социальных проблем: преступности, наркомании, бедности и т.д. Не буду все перечислять — мы вполне представляем, что это такое. “Для кого” — вот что самое интересное: объяснительные теории создаются для простых людей, для так называемых *common people*. Подчеркну, что в интерпретации Штомпки этот термин не содержит того ироничного, уничижительного смысла, который придают иногда этим словам наши социологи. “Для чего” создаются эти теории? Для того, чтобы объяснить простым людям, что происходит в обществе, чтобы ориентировать их в тех проблемах, с которыми они постоянно сталкиваются. Назначение данных теорий — обратить внимание простых людей и их мышления на то, как возможно решение этих проблем. Вот эта позиция мне чрезвычайно симпатична. Более того, Петр Штомпка говорит о том, что именно этим теориям мы должны прежде всего учить студентов, разъясняя в преподавании значимость этих теорий. Об этом скажу его словами: “Преподавание социологии не сводится к книжной социологии, оно должно ориентировать на социологию жизни, что позволяет давать более глубокие интерпретации и лучше понимать то, что нас окружает”. Хотела бы обратить внимание также на слово “интерпретация”, потому что к этому я вернусь в дальнейшем.

Итак, я выражаю солидарность с позицией Штомпки. И с этой позиции я собираюсь в настоящее время выступать. Считаю, что социология, по самой своей сути, является публичной наукой, если иметь в виду, что она изучает человека в обществе и общество в человеке, имеет в поле зрения самые различные сферы, самые различные свойства, характеристики, проявления личности. Социология должна быть публичной наукой и является ею, а также является основой гражданственности. Нам об этом нельзя забывать. Мы должны помнить, что социологическая истина находится всегда на пересечении научных размышлений и социальной реальности. Осмысление этой реальности и общественной практики — это наша задача, наше призвание, и об этом нам всегда следует помнить.

Далее я хотела бы конкретизировать проблему публичности, имея в виду различные ее аспекты. Первый аспект, это аспект взаимодействия социологии и общества, взаимодействия социологии с широкой аудиторией. Речь идет о том аспекте проблемы, который я затрагивала ранее: имею в виду вопрос о популяризации социологии. Вспомним, что об этом говорил Чарльз Миллс. По его мнению, социологи должны научиться популяризировать свои идеи и делать это понятными словами, понятным языком. Задача социолога состоит в том, чтобы научиться переводить научный язык на язык, который будет понятен широкой аудитории.

Другой аспект проблемы публичности — это вопрос взаимодействия социологии и власти. Если поставить его прямо, то он звучит так: должны ли мы сотрудничать с властью? И я отвечу на этот вопрос так — да, должны. Не только должны, но социологам просто необходимо сотрудничать с властью. Другое дело — в чем должно выражаться это сотрудничество и как нам следует себя вести в данном случае, какие позиции мы призваны защищать. Эту

проблему не следует сводить к политизации социологии, поскольку политизация действительно может заключать в себе отрицательный смысл, о чем сегодня уже шла речь. Сотрудничество должно заключаться в том, чтобы обращать внимание власти на социальные болезни и понуждать ее к наиболее целесообразному, с точки зрения интересов общества, интересов простых людей, решению социальных проблем.

И третий аспект (не знаю, удастся ли мне его осветить) — это вопрос соотношения профессионализма и гражданственности. Нет ли противоречия между тем и другим? С моей точки зрения — нет. Более того, я глубоко уверена, что именно гражданская ответственность обуславливает и необходимость высокого нашего профессионализма, а недостаток последнего часто приводит к безответственным заключениям. Потому зачастую, видя, какие выводы делают социологи в результате проведенных исследований, думаю: слава тебе, Господи, что не принимают во внимание те “знания”, которые мы производим и не руководствуются ими в управленческой практике. Это то, что я хотела бы в самой общей форме сказать, имея в виду взаимоотношение профессионализма и гражданственности.

А теперь разрешите мне обратиться к воспоминаниям. Я имею возможность и имею право на это. Дело в том, что я в социологии с самого начала формирования советской социологии и образования Советской социологической ассоциации. Уже тогда была членом комиссии по этике и сейчас завершаю свой социологический путь в качестве председателя комиссии по этике САУ. В связи с этим хочу высказать некоторое несогласие с Вилем Савбановичем Бакировым, считающим, что советская социология работала чуть ли не в подполье. Я не буду сейчас говорить о том, какими мотивами руководствовались “сильные мира сего”, принимая решения о создании Советской социологической ассоциации и давая санкцию на ее выход на международную арену. Остановлюсь на том, каковы были наши мотивы, что влекло нас к занятию социологией и что собой представляла социология 1960-х — 1970-х годов. Для нас это была не просто романтика, желание изведать неизведанное. Мотивы были совершенно определенные — это высокая гражданственность, желание разобраться в том, что происходит, стремление помочь решить насущные социальные проблемы. Мы были энтузиастами, порой отказывались от очень многого, работали активно и с интересом. Назову имена (о некоторых уже шла речь) украинских социологов, стоявших у истоков советской социологии. Это прежде всего Черноволенко, затем Матусевич, Ручка, Якуба, Суименко, Сохань, Сакада, Тарасенко, Волович и др.

Мы действительно были энтузиастами. И не нужно забывать, что советская социология формировалась параллельно с тем самым движением шестидесятников, о которых часто вспоминают. Мы все, находящиеся у истоков советской социологии, действительно были шестидесятниками. Но что я хотела бы сказать, возражая квалификации этого периода как времени “подпольной социологии”: мы имели гораздо больше, чем сейчас, возможностей для проведения масштабных, именно нужных и актуальных исследований. Было много интересного сделано, много наработано. В Украине, например, широко исследовались проблемы взаимоотношения семьи и профессиональной ориентации. Эти исследования, если помните, вели в отделе В. Черноволенко, и некоторые присутствующие здесь принимали участие в этих исследованиях. Проводились и другие масштабные исследования, которые

затрагивали порой весьма острые вопросы и были актуальными для общества. Но главное заключается в том, что мы широко популяризировали все эти данные. Мы проводили исследования на заводах, в цехах, в колхозах, в самых различных трудовых коллективах, изучали положение дел в сельскохозяйственных районах. И после этого обязательно докладывали о результатах исследований на заседаниях так называемых партийно-хозяйственных активов, на общих собраниях и в беседах с работниками тех либо иных обследуемых подразделений. Интересно то, что часто мы получали данные, которые были в некоторой степени неожиданными для исследуемых и о которых они узнавали с пользой для себя. О результатах исследований мы непременно сообщали в газетных публикациях.

В своей книге “Диагноз времени” я попыталась дать характеристику не только того, что представляло собой советское общество определенного периода. Я ставила перед собой цель дать представление и о том, какой была советская социология и как мы работали. Я сослалась там на множество материалов, перечислила десятки наших публикаций в газетах и справках, переданных в различные органы власти. Следует учесть также, что в то время газета приходила практически в каждый дом. Люди выписывали газеты, население знало о наших исследованиях и откликалось на наши публикации. К нам приходили отовсюду, присылали письма. Часть писем у нас сохранилась, и только много позже мы их проанализировали. К нам на кафедру приходили люди и делились своими проблемами. Нас уважали и нам доверяли, и это нас вдохновляло и поддерживало.

Далее о взаимоотношениях с властью. Власть считалась с нами и прислушивалась к нам. Особый интерес проявляли партийные органы, которые даже помогали нам. И Николай Александрович Шульга не даст мне соврать, ибо знает это. Существовали достаточно квалифицированные социологические службы в Верховном Совете Украины, в ЦК Компартии Украины (при Отделе агитации и пропаганды). По заданиям ЦК проводились масштабные исследования по всей Украине о социальной справедливости. Мы обследовали предприятия, делали выборку самых различных трудовых коллективов и выясняли отношения людей к социальной справедливости, определяли, какие существуют очаги неблагополучия, пытались выяснить факторы, их порождающие, изучая документацию и реальную ситуацию. По результатам исследования были подготовлены информационные письма, докладные записки, которые направлялись в различные органы: и в городские, и в областные, и в центральные. Все это было — и не нужно об этом забывать.

Что же сейчас? С моей точки зрения, социология в нашем обществе потеряла свой общественный престиж. Нас не уважает население, и с нами не считается власть. Вот что происходит в настоящее время. Тяжело об этом говорить, но это факт. Я не буду пытаться установить причины происходящего — это очень серьезный вопрос, и он требует серьезного обсуждения. В чем-то виноваты и мы, социологи, хотя немало делается полезного, и я не могу сказать, что я низко оцениваю уровень современной социологии в Украине. Нет, много очень интересных и полезных исследований в Украине, к примеру, о социальном неравенстве и межклассовых социальных стратификациях, о социальной идентификации. Все это есть, но многие актуальные проблемы все-таки социологи обходят стороной. Острые актуальные проблемы мы не исследуем, тем более масштабно. И если даже какие-то ис-

следования, имеющие практическое значение, и проводятся, управленческие структуры на них не реагируют. Мы, например, в связи с проведением круглого стола на тему “Социологическое обеспечение социальных реформ” столкнулись с такой вещью, как жилищно-коммунальная реформа. Оказывается, там очень многое могут сделать социологи. Научная проблема, которая лежит в основе всех этих процессов, — это проблема коммуналистских связей. Это классическая проблема *neighborhood*, которой немало внимания в свое время уделяли социологи. И без решения этой проблемы, без понимания того, что являются собой наши коммуналистские связи, невозможно серьезно решать проблемы жилищно-коммунального хозяйства и осуществлять его реформирование. Другая проблема, с которой мы столкнулись, — беспризорность детей. Она решается преступно неэффективно. Доцент нашей кафедры Елена Владимировна Князева совместно со студентами проделала колоссальную работу. Более трех с половиной тысяч личных дел детей, которые попадали в приют в течение пяти лет, были перенесены на электронные носители. Материал, содержащийся в электронной базе данных, был нами проанализирован. Сегодня я передала этот отчет для помещения на сайт Ассоциации. Вы не можете себе представить, что делается и насколько неэффективно работает так называемая “система преодоления беспризорности”. И порок ее заключается уже в той учетной документации, которая приходит из государственных структур, из соответствующих ведомств. Эти материалы просто невозможно читать. Я звонила в управление, откуда направляются эти документы, чтобы узнать, с какими научными группами они советовались при их составлении, кто им помогал разрабатывать шкалы, определять позиции, которые требуется заполнять. Они ответили, что ни с кем — сами производят все эти опусы. И тем не менее в 2005 году, как вы знаете, была принята концепция государственной программы по борьбе с беспризорностью, которая в общем-то не выдерживает никакой критики и в составлении которой, насколько мне известно, не принимали участия ни исследователи, ни специалисты, непосредственно работающие с беспризорными детьми. А такого рода постановлений, законов и указов, при подготовке которых научная и, в частности, социологическая экспертиза игнорируется, немало в нашей управленческой практике.

Я считаю, что одним из серьезных недостатков нашей социологии является то, что мы не проводим панельные исследования. С моей точки зрения, те исследования, которые проводились в 1970-х годах, нужно было бы сейчас повторить, например, исследование представлений о справедливости, исследования соотношения семьи и профессиональной ориентации молодежи, трудовой мотивации и самочувствия работников в различных трудовых коллективах. Ранее было проведено содержательное исследование, посвященное проблемам демократизации общества и развития личности, результаты которого представлены в брошюре Е. Головахи, И. Бекешкиной и В. Небоженко. Мне кажется, что интересно было бы провести аналогичное исследование сейчас и узнать, в частности, изменились ли представления людей о демократии и какова тенденция “развития личности”. Масштабные сравнительные исследования необходимы. Если бы у нас были такие динамические ряды, то мы могли бы выйти на очень серьезные проблемы, проследить структурные изменения, и можно было бы осмысливать то, что происходит. Я призываю к тому, чтобы молодые социологи более внимательно

отнеслись к тем исследованиям, которые были проведены в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах. Однако я отдаю себе отчет в том, что повторение масштабных исследований невозможно при таком отношении к социологии со стороны общества, и особенно — со стороны властных структур. Изменение этого отношения должно стать первоочередной задачей нашей профессиональной ассоциации.

Далее — о профессионализме. В выступлении Н.Паниной, опубликованном в сборнике “Социологическое знание и политика”, обращается внимание на недостатки организационного плана, морального плана, методического плана. А.Горбачик высказался относительно методических проблем, представленных как методологические. Действительно, методология играет очень важную роль, но я понимаю под методологией не просто совокупность методов, а определенное предпосылочное знание, некоторую метатеорию, превращенную в инструмент познания. В соответствии с этим попытаюсь сформулировать проблему профессионализма в том виде, в каком, по моему мнению, эта проблема является для нашей социологии наиболее актуальной. В свое время, когда мы только начинали, преодоление непрофессионализма заключалось в том, чтобы овладеть эмпирическими методами, требующими и определенной математической подготовки. Поэтому мы сотрудничали с математиками, физиками: у нас был В.Максименко, у В.Черноволенко — В.Паниотто и т.д. И мы с их помощью преодолевали нашу определенного рода ущербность. Сейчас непрофессионализм, с моей точки зрения, заключается в другом. Он состоит в том, что нередко за частотой цифр и обилием эмпирических данных нет мысли, нет идеи, понимания структурных взаимодействий. Основной недостаток многих наших исследований заключается именно в слабости интерпретации, в неумении пользоваться процедурой понимания и объяснения, в отсутствии осмысления презентруемого материала.

Особое внимание я хотела бы обратить на развитие способности интерпретировать обыденные смыслы, с чем нам постоянно приходится сталкиваться. Мы забываем о том, что слова, в которых выражено отношение респондентов к тому или иному явлению, являются символами. Их не только первичный, но и вторичный, символический смысл определяется соответствующей культурой и субкультурой, практической ситуацией, на фоне которой осуществляется исследование. Умение адекватно “прочитать” эти смыслы, а также сочетать анализ вербальной информации с изучением реальной ситуации, совокупностью предметно-практических действий, порождающей символические обыденные смыслы — в этом состоит мастерство и профессионализм социолога. И это, по-моему, сейчас является очень важной проблемой совершенствования нашего социологического знания.

В способности адекватно “понять” наших соотечественников проявляется не только профессионализм, но и гражданственность. Ибо когда в приверженности к “твердой руке” мы видим свидетельство тоталитаристского мышления наших соотечественников, а в отрицательном или безразличном отношении к парламентаризму, многопартийности и свободе слову — неприятие демократии и выражаем сомнение в том, нужна ли она вообще нашим соотечественникам, мы демонстрируем не только невежество, но и свою антигражданскую позицию. Скажу больше: афиширование “демократичности” нашего общества, постоянное использование термина “демокра-

тия” в ситуации произвола и реального бесправия людей, широкого распространения бедности и нищеты — кощунственно, ибо приводит к девальвации этого слова, к обыденному восприятию демократии как ситуации, в которой “все дозволено”, и против этого “простой человек” не имеет никакой защиты. Другими словами, на фоне нашей практики термин этот приобретает смысл, прямо противоположный тому, который вкладывает в него исследователь.

Хочу высказать также свое отношение к термину “догоняющая социология”, который используют для обозначения нашей социологии. Я против него, как и против термина “догоняющая модернизация” для характеристики того, что происходит с нашей страной. Никого не надо догонять. Надо просто честно и с ответственностью относиться к своему делу и стараться максимально поднимать уровень профессионализма и гражданственности.

В заключение я хотела бы сослаться на интересную беседу, которая опубликована в последнем номере журнала “Социальная реальность”. Это беседа Бориса Докторова с Михаилом Тарусиным. Тарусин относится ко второму поколению социологов, и, в частности, он рассказывает о том, что чувствовал в свое время, какой представлялась ему социология 1960–1970-х годов. Собеседник Б.Докторова относится к поколению социологов, которые начали работать в 1980-е и не имели того источника общественного энтузиазма, который был импульсом социологии в 1960-х. Об этом он сказал следующее: “Наши учителя отталкивались от ортодоксального марксизма, то есть имели неплохую пружину. Мы же, отринув марксизм, изначально отталкивались от пустоты. Видимо, 1960-е годы, при всей наивности платформы исправленного марксизма, были все же утверждающим временем. Мы формировались во времена отрицания, но отрицание не может быть продуктивным — в нем нет цели, нет опоры, нет смысла”. Добавлю лишь, что “пружиной” для социологов 1960–1970-х, источником их вдохновения был не только ортодоксальный марксизм, но и многое другое, о чем я сегодня говорила. И главное, что я хотела бы сказать нашим молодым социологам: “Помните о том, что за вами — не пустота, вам есть от чего отталкиваться. Мы были и мы еще есть, и желаем вам активно и успешно работать на благородном поприще социологии”.